

Нет автора

**Сведения о частной гимназии
Фр. Креймана
в Москве**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н57

Нет автора

Н57 Сведения о частной гимназии Фр. Креймана: в Москве / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 44 с.

ISBN 978-5-458-14238-0

Сведения о 1-й Московской частной гимназии Фр. Креймана, учрежденной в 1858 году. Содержание. 1. О происхождении языка. Речь, сказанная 2-го октября 1867 г. д-ром Ев. Шмидтом. 2. Краткий очерк устройства заведения и обзор пройденного в течение 1867-68 учебного года.

ISBN 978-5-458-14238-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

не мысля, какъ и мыслить, не говоря, по крайней мѣрѣ, про себя. — Хотя вслѣдствіе этого духъ необходимо развивается посредствомъ рѣчи и получаетъ форму, тѣмъ не менѣе извѣстный языкъ, въ коемъ онъ выражается, не есть его необходимая форма, потому что одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ говорить на нѣсколькихъ языкахъ, и одна и та же книга можетъ быть переведена съ одного языка на другой. Слѣдовательно, между духомъ и языкомъ существуетъ иное отношеніе, чѣмъ между душой и тѣломъ, потому что душа голубя напр. не можетъ воплотиться въ тѣло орла. Но выраженіе, которое не существенно соединено съ своимъ содержаніемъ, мы называемъ знакомъ; слѣдовательно, языкъ состоитъ изъ знаковъ мысли, подобно тому, какъ письмена изъ знаковъ языка.

Объясненіе происхожденія человѣческой рѣчи всего легче дѣлается теоріей *божественнаго языкоученія*, которая утверждаетъ, что самъ Богъ, по сотвореніи человѣка, научилъ его говорить. — Но, какъ скоро послѣдователи этой теоріи попробуютъ немного войти въ подробности, они сейчасъ же теряются въ самыхъ странныхъ предположеніяхъ. Кромѣ того, это мнѣніе, можетъ-быть, кажущееся религіознымъ, даже не согласно съ Св. Писаніемъ, ибо Св. Писаніе не говоритъ, что Богъ назвалъ человѣку вещи, напротивъ: Иегова привелъ передъ Адама животныхъ, которымъ первый человѣкъ долженъ былъ дать названія. Во всякомъ случаѣ эта теорія могла бы только пояснить, какимъ образомъ уже готовый языкъ былъ переданъ человѣку; слѣдовательно, она собственно предполагаетъ еще подлежащее объясненію, и потому не есть объясненіе. А что касается до участія божественной силы въ происхожденіи языка, такъ никакая теорія не мо-

жетъ отвергнуть это. Почти то же можно сказать и о теоріи произвольнаго изобрѣтенія языка, потому что, еслибы первые люди избрали и установили языкъ вслѣдствіе предшествующаго совѣщанія и соглашенія, то они не могли же обойтись безъ языка, и потому должны были знать его во время этого совѣщанія. — Такимъ образомъ и здѣсь то, что подлежитъ объясненію, предполагается даннымъ. Более разумный и научный взглядъ на дѣло представляютъ тѣ, которые берутъ во вниманіе ходъ историческаго развитія и слѣдуютъ за языкомъ въ прошедшее такъ далеко, какъ только дозволяютъ это историческіе памятники. — Конечно, самое происхожденіе языка никогда не можетъ выясниться, какъ историческій фактъ, потому что никакой письменный памятникъ, никакое преданіе безъ языка не мыслимы; однако, человѣку доступно приблизиться къ этому началу и, что самое существенное, узнать законы, по которымъ языки измѣняются и развиваются, — такъ что, можетъ-быть, сдѣлается возможнымъ обратное заключеніе о началѣ ихъ развитія и образованія. Въ тысячу лѣтъ нѣмецкій языкъ до такой степени измѣнился, что мы безъ научныхъ свѣдѣній едва можемъ понимать письменныя произведенія того отдаленнаго времени; то же было и съ славянскими языками. Греческій языкъ Гомера, эллинскій и новогреческій языки представляютъ весьма существенное различіе, а изъ латинскаго образовались многіе, такъ-называемые романскіе языки. Все это совершалось на глазахъ исторіи.

Далѣе поименованные языки представляютъ въ своихъ древнѣйшихъ формахъ, въ отношеніи грамматическаго строенія и лексикологическаго содержанія между собою и сравнительно съ другими язы-

ками, столь несомнѣнное сходство, что должно признать между ними генетическое родство и одинъ первобытный языкъ, изъ коего они произошли, какъ романскіе языки изъ латинскаго. Почти такіе же результаты дали и изслѣдованія о болѣе отдаленныхъ группахъ языковъ. Стремленія сравнительнаго языковѣдѣнія имѣютъ важное значеніе для генеалогіи народовъ и первобытной исторіи, въ которой скрыто самое раннее развитіе человѣческой мысли. Результаты этихъ изслѣдованій можно соединить въ слѣдующемъ краткомъ изложеніи: Всѣ языки на земномъ шарѣ распадаются на три группы: языки-негрской расы, языки монгольской расы *, изъ коихъ образовались малайскіе и американскіе, и языки кавказской расы. Кавказскіе языки, прежде всего интересующіе насъ, раздѣляются на такъ-называемые индо-европейскіе или іафетическіе, семитическіе, къ которымъ принадлежатъ: еврейскій, арабскій и арамейскій, и на третью группу, обнимающую преимущественно старыи египетскій, или коптскій, съ нѣкоторыми древнѣйшими сѣверо-африканскими языками, которую можно назвать хамитическою.

* Языки монгольской расы раздѣляются, повидѣмому, на три вѣтви: на южную или малайскую, на восточную или китайскую и на сѣверную или туранскую. Эта послѣдняя семья языковъ, представляющая особенный интересъ для Россіи, раздѣляется, по Кастрену и Мюллеру, на пять группъ: 1) на финскую или чудскую, къ которой принадлежатъ языки: венгерскій и вогульскій, черемискій и мордвинскій, пермскій, лапландскій, финскій и чухонскій; 2) турецкую или татарскую, которая содержитъ въ себѣ языки: турецкій, киргизскій, башкирскій и якутскій, туркоманскій и узбекскій; 3) самоѣдскую, преимущественно распространенную въ Сибирѣ; 4) на собственно монгольскую, къ которой относятся языки, какими говорятъ въ высокой Азіи, и 5) тунгусскую въ Маньчжуріи и восточной Сибири.

Іафетическіе языки опять раздѣляются на западно-азіатскую, или арійскую группу, обнимающую языки индійскій и персидскій съ ихъ древнѣйшими формами — санскритскимъ и зендскимъ языками; на южно-европейскую или греко-итало-кельтскую и на сѣверо-европейскую или славяно-литовско-германскую группу.

Германскіе языки являются въ настоящее время подъ видомъ скандинавскаго, англійскаго и нѣмецкаго нарѣчій; славянскіе — подъ видомъ южно-славянскихъ, западно-славянскихъ и восточно-славянскихъ, или русскихъ нарѣчій. Мы постараемся янѣ показать сродство іафетическихъ языковъ, проявляющееся какъ въ грамматическомъ строеніи, такъ и въ лексикологическомъ матеріалѣ, но преимущественно въ послѣднемъ отношеніи.

Въ словахъ можно различать *окончаніе*, *основу* и *корень*. Окончаніе есть та часть въ концѣ слова, посредствомъ которой выражается его отношеніе или грамматическая форма, т. е. склоненіе и спряженіе; основа — слово безъ окончанія; корень — та общая часть многихъ основъ, которая остается, если мы отнимемъ все, что образуетъ основу: префиксы, суффиксы и переходъ буквъ. Собственно основа не есть опредѣленное слово и не принадлежитъ ни къ какой особой части рѣчи; корень же заключаетъ въ себѣ еще болѣе общее понятіе: онъ есть выраженіе весьма обширнаго и мало-опредѣленнаго содержанія, которое посредствомъ различныхъ, болѣе близкихъ опредѣленій, образующихъ основу, составляетъ нѣсколько основъ, изъ коихъ помощью окончаній снова можетъ выйдти множество различныхъ словъ. Отличаютъ двоякаго рода корни: предикативные и демонстративные. Въ первыхъ всеобщность заключается въ самомъ по-

нати; въ послѣднихъ только въ отношеніи говорящаго къ отдѣльно-мыслимому предмету, такъ при словахъ сей, оный, и т. д. Но ежели я скажу, напримѣръ, *licht*, то это слово, по крайней мѣрѣ, весьма близко подходитъ къ силѣ предикативнаго корня, потому что можетъ казаться неопредѣленнымъ, мысля ли я это слово, какъ нѣчто самостоятельное, или существенное, какъ состояніе, или прилагательное, какъ событіе, или глаголь, какъ обстоятельство, или нарѣчіе. Не въ однихъ сложныхъ словахъ мы находимъ соединеніе корней, но и слова образовательныя и слова, измѣняющія окончанія, сами суть первоначально корни, которые являются слитыми и по большей части измѣненными чрезъ сокращеніе. Это особенно ясно въ латинскомъ *futurum exactum* и *plusquamperfectum activi*, гдѣ, напримѣръ, *audivero, audiveram, audivissem*—слиты изъ *audivi* и *ero, eram, essem*. Далѣе, въ будущемъ французскаго языка, гдѣ, напр., *je conseillerai, tu conseilleras* и т. д., составлены изъ *Infinitif conseiller* и *j'ai, tu as*, и т. д.; т.-е. „я имѣю совѣтовать“, равносильное выраженію „я буду совѣтовать“.

Если мы теперь сравнимъ корни вышеназванныхъ іафетическихъ языковъ между собою, то часто будемъ замѣчать удивительное сходство, которое позволяетъ съ достовѣрностью не только заключить о родствѣ этихъ языковъ, но даже открыть, помощью примѣненія найденныхъ звуковыхъ законовъ, корни и слова іафетическаго первоначальнаго языка. Постараемся объяснить это нѣсколькими примѣрами. Корень для словъ отъ „*licht*“ или „*leuchten*“ въ іафетическомъ языкѣ—„*div*“; отсюда образовалась въ санскритскомъ языкѣ основа „*deva*“ и съ флексіей именительнаго падежа—„*s*“—„*devas*“ міровая сила, или Богъ, потомъ основа „*divya*“ и слово „*di-*

уyas“—небесный,—далѣ основа „d̄jau“ и съ оконча-
ніемъ — „d̄jaus“—небесный сводъ. Такимъ же поряд-
комъ образовались по-гречески „Δεὺς“ и „Ζεὺς“, т.-е.
„небесный духъ“ и „верховный Богъ“; по-латы-
ни—„deus“—Богъ; въ латышскомъ „dews“, по-готѣ-
ски „tius“, по-русски „дивный“, что значитъ: боже-
ственный и чудесный. Уже изъ этой связи корен-
ныхъ словъ и значеній явствуешь, что *свѣтлое яв-*
леніе неба было естественнымъ основаніемъ слову,
означающему въ индо-европейскомъ племени вер-
ховнаго Бога, что подтверждается сравненіемъ раз-
личныхъ сказаній о богахъ въ отношеніи ихъ со-
держанія.

На древнѣйшій корень „ma“—мѣрить, изъ кото-
раго снова образовалось „man“—мыслить, указыва-
етъ санскритское „manī“—я измѣряю, „manam“—ору-
діе мѣры, „manass“—умъ, чувство, „manu“—позднѣе
„mānava“, „manúsha“, „manidsha“,—человѣкъ; греческое
„μήνη“—луна,—„μέτρον“—мѣра, „μένος“—доблесть,
„Μενότιος“ мифологическій образъ, сынъ Титана Ia-
фета, котораго сопоставляли съ библейскимъ Iафе-
томъ—вдохновенный человѣкъ; далѣ нѣмецкое
„Maass“ и „messen“, готѣское — „meta“, нѣмецкое слово
„Mond“, готѣское — „manniska“, нѣмецкое „Mann“ и
„Mensch“; такое производство обозначаетъ человѣка
существомъ мыслящимъ. Впрочемъ, есть еще мно-
гія другія названія для человѣка, произведенныя
отъ иныхъ корней; такъ, напр., санскритское „manā“
и греческое „ἄνθρωπος“—человѣкъ—родственны латин-
скому „manior“, „mors“ и русскому — „умереть“,
„смерть“, смертный“,—слова, обозначающія чело-
вѣка, какъ существо смертное, между тѣмъ какъ
латинское „homo“ и французское „l'homme“ (сокращенное въ l'op и op — man) родственныя съ „humus“

земля и „humilis“ — низкій, низменный, обозначаютъ „рожденный землею“, „взятый изъ земли“.

Отъ корня „ah“ или „anh“ происходитъ санскритское „ahi“, греческое ἄλις и ἄλιόνα, латинское, „anguis“ — die Schlange — змѣя, такъ что она представляется названной такимъ образомъ по ея способности сжимать или задушать; отъ того же корня происходитъ и санскритское — „anhas“ — грѣхъ, названіе, заимствованное отъ его сжимающей, нравственно задушающей силы. Грѣхъ уподобляется какъ бы змѣѣ, которая душитъ человѣка, какъ Лаокоона. Замѣчательно, что не только въ первобытной библейской исторіи, но и лингвистически змѣя и грѣхъ чрезвычайно тѣсно связаны между собою! Корень „anh“ произвелъ еще много другихъ словъ, какъ напр. греческое „ἄγγος“ — близко „ἄγος“ — душегубство, латинское „ango“ — „ängstigen“, „angina“ и „angor“, „Beengung“, „angustus“ — „eng“, „anxius“ — „ängstlich“ — такъ же, какъ и выше приведенныя нѣмецкія переводныя слова; далѣе готское „agis“ страхъ, итальянское „angoscia“, французское „angoisse“ (испорченное латинское angustiae — Enge) и англійское „anguish“.

Разсмотримъ въ заключеніе еще корень „ar“ — пахать, воздѣлывать землю; отъ него происходитъ латинское „arare“, греческое ἄροον, кельтское „ar“, литовское „arti“, русское „орать“, готское „arjan“, англо-саксонское „erjan“, ново-англійское „to ear“ — пахать; далѣе названіе орудія для паханія, т. е. плуга: греческое — ἄροτρον, латинское „aratrum“, чешское „oradlo“, литовское „arklos“, вельское „arad“, древне-норвежское „ardhr“; это послѣднее словотакже получило значеніе приобрѣтенія, благосостоянія, потому что послѣднее доставляется крестьянину плугомъ. Дѣйствіе паханія по гречески „ἄροσις“,

по-латыни „aratio“; еще болѣе первобытною формаціею отъ корня „ar“ кажется санскритское „ara“, греческое „ἄρα“, древне-верхне-нѣмецкое „ero“, кельтское „ige“. Первоначально это слово обозначало вспаханное поле, въ послѣдствіи землю вообще; даже слово „Erde“, по-англійски „earth“, по готски „airtha“ — должно быть первоначально понимаемо, какъ вспаханное поле. Поле въ настоящемъ смыслѣ слова по-гречески „ἄρουρα“ и по-латыни „arvum“. — „Ar“ не только значило пахать, но уже весьма рано было перенесено на вспахиваніе моря, на греблю. Такъ санскритское „aritra“, англо-саксонское „ar“, англійское „oar“ значать весло, какъ бы водный плугъ, по-гречески ἐρέτης значить гребецъ и τριήρης — корабль съ тремя рядами весель. Отъ спеціальной работы и искусства паханія корень, по-видимому, былъ перенесенъ на искусство и работу вообще; такъ, можетъ-быть, латинское „ars“, французское и англійское „art“ первоначально означали искусство земледѣлія — это искусство искусствъ, какъ въ древнемъ верхне-нѣмецкомъ „arūti“ просто получило значеніе дѣла (Werk). Въ древне-норвежскомъ „erfidhi“ преимущественно обозначало паханіе и потомъ уже работу вообще; нѣмецкое „Arbeit“, „arbeiten“, „arbeitsam“ со всѣми производными должны быть отнесены къ этому же корню. Если то же самое можно сказать и относительно имени арійцевъ, очень древняго названія іафетическихъ народовъ, которое въ позднѣйшемъ санскритскомъ языкѣ обозначало *благородный*, то не трудно вывести, что облагораживающій титулъ этой семьи народовъ основанъ на понятіи работы (Arbeit), которая имѣетъ силу измѣнять въ нравственное и физическое благосостояніе жалкую жизнь человѣка.

Изъ предыдущаго, кажется, ясно видно, частію

изъ бытовой исторіи, частію изъ несомнѣнныхъ комбинацій, что слова языка образовались изъ корней, т. е., извѣстныхъ простыхъ и, мимоходомъ сказать, всегда односложныхъ сочетаній звуковъ съ весьма общимъ значеніемъ, черезъ совокупленіе образовательныхъ элементовъ слова и окончаній. Но мы должны идти еще далѣе, предлагая себѣ новый вопросъ: какъ образовались корни? Въ этомъ отношеніи мы не будемъ поступать подобно такъ-называемымъ матеріалистическимъ философамъ, которые все стараются свести на атомы, но самихъ атомовъ нисколько не объясняютъ.

До настоящаго времени достойны вниманія три теоріи, которыми старались объяснить происхожденіе корней въ языкѣ. Первая изъ нихъ, которую я назову *теоріей междометій*, утверждаетъ, что самымъ раннимъ и непосредственнымъ элементомъ языка должно быть восклицаніе — крикъ боли, радости, удивленія — вообще страстей, имѣющихъ его своимъ естественнымъ и произвольнымъ слѣдствіемъ; изъ междометій будто бы, посредствомъ разнообразныхъ измѣненій, образовались въ послѣдствіи корни. Но междометія собственно не суть корни, даже и не суть слова, ибо послѣднія обозначаютъ представленія или понятія, первыя же только выражаютъ ощущенія или чувства. И такъ, эта теорія какъ бы проникаетъ только въ преддверіе языка; она объясняетъ только одни междометія, которыя суть не что иное, какъ звуки бессознательной человѣческой природы, брошенные среди словъ сознательной человѣческой рѣчи.

Нѣсколько далѣе проникаетъ вторая *ониматоническая теорія*: по ней корни суть звукоподражанія. Человѣкъ, подражая звукамъ органической и неорганической природы, голосамъ птицъ, хищныхъ

и домашнихъ животныхъ, гromу грозы, журчанью ручья, вою вѣтра, шелесту листьевъ и, обозначая своими подражаніями тѣ предметы, отъ которыхъ происходили такіе звуки, постепенно выработалъ корни языка. Наиболѣе остроумно это мнѣніе было защищаемо Гердеромъ. Онъ говоритъ почти слѣдующее: Если человѣкъ можетъ отдѣлаться на время отъ туманныхъ образовъ цѣлаго, какъ бы во снѣ проносящихся передъ его чувствами, можетъ сосредоточиться въ одной минутѣ бдѣнія, добровольно остановиться на одномъ образѣ, подвергнуть его ясному и спокойному наблюденію и усвоить себѣ его признаки, по какимъ предметъ отличается отъ всякаго другаго, то этимъ онъ доказываетъ свое вниманіе. Онъ познаетъ такимъ образомъ ясно и живо не только всѣ свойства предмета, но и усвоиваетъ себѣ одно или нѣсколько изъ нихъ, какъ отличительныя. Такое свойство, напр., бляеніе овцы, которое какъ бы выдѣлилось изъ числа всѣхъ прочихъ (въ числѣ свойствъ, между прочими, могли быть — что она бѣла, кротка, съ густой шерстью), прежде всего поразило чувство, запечатлѣлось въ душѣ и дало въ видѣ подражанія матеріалъ для названія овцы, какъ внутреннюю примѣту, какъ опредѣленный знакъ, съ помощью котораго душа ясно представляетъ себѣ извѣстную идею. Подобнымъ же образомъ возникли и прочія слова человѣческаго языка. — Но остается необъяснимымъ, какъ получили свои названія предметы, не издающіе звуковъ. — Если мы изслѣдуемъ корни съ этой точки зрѣнія, то найдемъ весьма не много, и то не очень плодотворныхъ корней, въ которыхъ возможно усмотрѣть звукоподражанія. Гораздо большее число корней и наиболѣе плодотворные изъ нихъ ясно указываютъ на другое происхожденіе; слѣдовательно,